
ПОЧЕМУ НЕМЦЫ ГОЛОСОВАЛИ ЗА ГИТЛЕРА (из истории экономических преступлений государства)

О.Ю. МАМЕДОВ

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

Предлагаемое вниманию читателей эссе посвящено экономическому контексту рокового в мировой истории события — выборов в рейхстаг в Германии в 1932 году.

Ключевые слова: Веймарская республика, политическая диктатура, экономический кризис.

We offer our readers an essay devoted to the economic context of the fatal events in world history — the elections to the Reichstag in Germany in 1932, the year.

Keywords: Weimar Republic, the political dictatorship, economic crisis.

Одна из катастрофических загадок мировой истории — поддержка немцами в 30-х гг. прошлого века Гитлера, поддержка, которая дорого обошлась всем народам, а уж европейским — особенно.

Исследователи этой загадки не оставили без внимания ни одного нюанса той эпохи. Социологи подвергли тщательному анализу все потенциально-фашиствующие черты немецкого национального характера — склонность к воинственности, к беспрекословному послушанию начальству, взрывоопасную смесь непомерной педантичности и чудовищной сентиментальности. Философы в поисках ответа напряженно вчитывались в Ницше и Шопенгауэра. Историки возлагали ответственность за происшедшее на последствия поражения Германии в Первой мировой войне.

Не остались в стороне и экономисты: коллективными усилиями был создан портрет германской экономики предфашистской эпохи — милитаризация, монополизм, государственный протекционизм, жажда внешнеэкономической экспансии. С тех пор совокупность названных признаков используется для диагностики реальной фашизации национальной экономики.

1.

И, тем не менее, загадка остается, — ну как немцы, один из действительно культурных («исторических», по выражению Карла Маркса) народов мира, могли массо-

во отдать симпатии Гитлеру и фашистской идеологии (что впервые неопровержимо продемонстрировали именно выборы в рейхстаг в 1932 г.)?

Что это было — феномен массовой слепоты? Сверхобнищание народа, приведшее к утрате облика человеческого? Умело культивируемые настроения реваншизма?

Мы иногда сетуем на то, что пока еще недостаточно «многоязычны», полагая, что владение английским или французским существенно повысило бы уровень массовой культуры. Увы, все это вторично. Гитлер говорил на немецком, но был людоедом; Муссолини — на итальянском, но был основателем фашизма; Мосли — на английском, но был отпетым фашистом; де ля Рокк — на французском, но фашиствовал с упоением.

Что это значит? Только одно, — что можно быть полиглотом, можно проживать в странах, породивших великие ценности демократии и либерализма, — и оставаться социально-политическим троглодитом. Таких ненавистников, наслаждающихся европейской жизнью, но зоологически ненавидящих все, что, по их мнению, можно причислить к демократии и либерализму, немало даже в новейшей российской истории¹.

«Граблеобразный» характер национальной истории отдельных стран вновь и вновь вынуждает всматриваться в экономический контекст феномена массовой поддержки «фюрера», особенно выявляя роль государства в формировании всенародной симпатии к фашизму.

2.

Ответ на вопрос, почему Гитлера поддержал «массовый» немец, до сих пор ищет каждое поколение в Германии. И не только в ней.

Что ж, это объяснимо — интеллектуальное противоядие от фашизма должно быть всегда наготове, поскольку мы наблюдаем постоянное сползание многих стран к авторитаризму. А авторитаризм такое устройство общества, которое всегда, рано или поздно, пусть даже с большим временным лагом, но неумолимо выводит людей на площади, а затем обгаряет эти же площади кровью, сначала — народа, потом — диктатора.

Самое ближайшее доказательство такой исторической закономерности представлено той жестокой социальной бурей, которая неожиданно потрясла, казалось бы, подремывающий арабский мир, бурей, которую еще недавно ничто не предвещало. И тут же множество правителей в ужасе стали заклинать: «Чур, чур меня!».

¹ Кто-нибудь из проклинаящих Северную Америку и Западную Европу представляет, во что превратился бы наш мир, если исчезнут эти оплоты демократии и либерализма? Падение Древнего Рима отбросило Европу к варварству, из которого она выкарабкивалась не менее десяти веков... А вокруг веселились гунны, готы и вандалы, — ведь теперь мир (вместе с развалинами древнеримской цивилизации), наконец-то, принадлежал только им! Впрочем, идеалы вандализма всегда в цене — «Америку ненавидят все, даже американцы. Антиамериканизм — это, пожалуй, главное, что сегодня объединяет человечество. Антиамериканизм становится синонимом самоопределения человека — человека периферии, ищущего многополярного свободного мира. Поэтому «смерть Америке» следует написать на щите в качестве лозунга всех тех, кто хочет гуманного миропорядка. Пока Америка не будет разрушена, уничтожена и раздавлена в своем империалистическом стремлении навязать всем собственную гегемонию, мы будем находиться под постоянной угрозой повторения ливийских, иракских, афганских, сербских событий. Борьба с Америкой надо не только словом, но и сердцем, мыслью, а главное — действиями. Америке надо положить конец. Люди, которые не ненавидят сегодня Америку, не являются людьми вообще. Это жертвы западной пропаганды, биороботы, они сами сдают право на свободу, независимость и достоинство» (см. «Свободное время», Опубликовано 09 сентября, 00:05, в газете «Московские новости» № 115, источник - http://www.mn.ru/newspaper_freetime/20110909/304745566.html); нет-нет, это не Бен-Ладен, это наш ученый соотечественник, способный вызвать зависть даже у сотрудников «Völkischer Beobachter»!

Конечно, тут же появились уверения в инспирированности этой бури извне.

Однако социальная наука, которую все время пытаются превратить в «секту конспирологов», упрямо твердит со времен марксизма — истину может открыть только анализ реальных экономических проблем взорвавшейся страны. К тому же глупее занятия, чем подозрительное озиране в этой ситуации ближних и дальних соседей, даже трудно найти.

К великому счастью, есть в истории и другие, вдохновляющие примеры.

Англия, после лорда-протектора Кромвеля (т.е. после 1658 г.), ни разу не пала, не унизилась до авторитаризма. И Франция, которая после Наполеона III (т.е. с 1871 г.) уже полтора века наслаждается плодами демократического устройства. А ряд европейских стран вообще вышли на «демократическую орбиту» социального развития задолго до Англии (Дания, страны Северной Европы и Прибалтики, Швейцария).

Германия и Италия добились необратимой демократии только после Второй мировой войны. Демократическое устройство этих двух стран миру досталось страшно дорогой ценой².

Сфера политической демократии ширится — в наши дни число демократических государств пополнили многие страны Центральной и Восточной Европы.

Но как же сложен путь к необратимой демократии!

3.

Каким же образом Гитлер ухитрился пробраться в политические лидеры немецкого народа, имея те очевидные пороки, которые не были секретом никогда и ни для кого? Почему большинство немцев солидаризировалось с его политическими лозунгами, тем самым поддержав приход нацистской диктатуры?

Тайну превращения некоего ничтожного индивида в Вождя народа политология вряд ли когда-нибудь откроет, поскольку это всегда цепь уникальных событийных совпадений. Социальные закономерности выявить еще можно, а вот смоделировать политическую судьбу индивида — нет!

Молодой Гитлер — абсолютно невзрачный субъект, постоялец ночлежек, перебывавшийся случайными заработками. Ничто, ну буквально ничто не предвещало его восхождения к статусу вершителя судеб миллионов людей. И, тем не менее, именно это невозможное и свершилось.

Воистину тайна восхождения к политическим вершинам велика есть!

И то сказать, ну кто бы мог предугадать в бедном провинциале из мятежной и недавно замиренной Корсики, с акцентом изъяснявшемся на французском, будущего императора Франции? Разве можно было даже ясновидцу заподозрить в буйном «андеграундном» литераторе будущего итальянского диктатора? А уж кто бы углядел «гениального вождя» в подозрительном и замкнутом кавказском экспроприаторе?

Никаких личностных качеств для того, чтобы стать вождем, ни у кого из самых знаменитых диктаторов не было. Кроме одного — **нечеловеческой жестокости!** Все диктаторы одинаковы, — даже сталинская «Катынь» была предвосхищена наполеоновской «яффской трагедией», когда тот, еще во время своего египетского похода, пленив в Яффе мамелюков и не имея возможности

² Даже неумолимо-ненавидящие демократию и либерализм вряд ли были бы рады, если бы, например, в Германии вновь утвердился диктаторский режим; вот объективная ирония социального устройства — авторитарные правители, будучи у себя дома приверженцами самого жесткого управления, вряд ли обрадовались бы той же форме правления в Германии.

их содержать, предпочел вывести на берег моря и хладнокровно расстрелять **че-ты-ре ты-ся-чи молодых мужчин!**

Но одинаковы не только диктаторы, одинаковы и их поддерживающие.

4.

Самым важным для объяснения причин установления политической диктатуры в той или иной стране является анализ экономических условий ее появления.

Есть бесспорный, научно установленный факт, согласно которому индустриально-инновационно развитые страны — это обычно страны с рыночной организацией экономики и демократической организацией политики.

Это позволяет утверждать: **тягчайшее социальное преступление государство осуществляет тогда, когда оно бесконечно сохраняет отсталую, вечно находящуюся на грани кризиса, некормящую и неплатящую экономику, в которой господствуют коррупция и монополизм, которой никак не удастся создать возможности для достойной жизни подавляющему большинству населения страны, в которой развиваются только криминальные условия и формы производства³. Но главное преступление неэффективного государства заключается не только в перечисленных материальных несчастьях, но и еще и в том, что таким состоянием экономики оно буквально загоняет общество в барак авторитарной формы политического режима.**

Массовая поддержка диктатуры возможна лишь тогда, когда личная власть вождя отвечает экономическим интересам основной массы общества⁴. И эти интересы чутко улавливаются: обещание экономического чуда, социального процветания и вдохновляющих политических перспектив — таковы три обязательных «пиар-капкана» восходящей диктатуры. При этом политики не скупаются на посулы — рост экономической эффективности, рост социального благосостояния и, конечно же, расцвет демократии. Однако в реальности за этим непременно следует эрозия государственных структур и утрата и без того вымирающих моральных ценностей⁵.

5.

Истории было угодно, чтобы демократическая организация государства и общества впервые возникла в Германии в самый что ни на есть неблагоприятный для этого момент — после неслыханных жертв и разрухи Первой мировой войны (впрочем, в таких же не лучших обстоятельствах состоялись «роды» демократии и во многих других странах).

Это обрекло немецкие демократические ценности и институты на слабость уже на начальной стадии их становления. А потеря территорий по Версальскому договору, разорительные репарации, ограничения на вооружение и вооруженные силы подогревали в массовом сознании чувство унижения.

³ И поскольку экономика ряда стран длительный период никак не улучшается, закрадывается странная мысль — а не выгодна ли консервация подобной экономической отсталости, коррупции и монополизма политической элите?

⁴ Именно эту связь зафиксировали все современные немецкие исследователи, — см., напр., Hitler und die Deutschen. Volksgemeinschaft und Verbrechen (источник — <http://www.dhm.de/ausstellungen/hitler-und-die-deutschen/index.html>).

⁵ Это невероятно, но сегодня даже те, кто ненавидит демократию и собирается задушить ее, вынуждены притворяться приверженцами демократических ценностей, — вот до чего дошло «демократическое разложение» общества!

На политику накладывалась экономика — из-за неполной выплаты репараций французские войска оккупировали Рурскую область, взяв под контроль природные ресурсы и ключевые отрасли промышленности страны. Это ввергало немецкую экономику в кризис. Инфляция выросла настолько, что немецкая валюта потеряла практически всякую ценность⁶.

И вот уже нищета пришла к средним слоям, а в рыночном обществе этого политикам не прощают!

«План Дауэса» восстанавливал немецкую валюту, увязав ее курс с объемами американских кредитов немецкой экономике. Однако неожиданный крах уже самой американской экономики в результате Великой депрессии вверг Германию в хаос — безработица выросла до **шести миллионов** человек, люди стали голодать. В этой ситуации они бы пошли за любым, кто пообещал бы их накормить не то что «пятью», а хотя бы «одним хлебом». Это натолкнуло нацистов на верную мысль — создать невыносимые жизненные условия, не оставив возможности альтернативного выбора, и избиратели вынуждены будут побежать за ними!

Впрочем, справедливости ради следует сказать — о тяжести кризиса в довоенной Германии знают многие. Но ведь Англии и Франции после Первой мировой было ненамного легче, чем Германии, а уж как ударила Великая депрессия по американской экономике — и говорить нечего.

Но ведь они же устояли — США, Англия и Франция! Устояли на почве демократии и либерализма, тогда как, кроме них, почти все остальные европейские и латиноамериканские страны «поскользнулись» на тоталитаризме. Страшно даже представить, что случилось бы с миром, если бы и в США, Англии и Франции победили охватившие в предвоенный период большинство стран тенденции к диктаторству...

Что же спасло эти страны от чумы диктаторства?

В это трудно поверить, тем более молодым демократиям, но — **вековые традиции парламентской демократии!**

В том-то и дело, что, в отличие от англо-французского общества и к своему (а потом — и мировому) несчастью, немцы стали искать выход из политико-экономического кризиса в альтернативных — правом и левом — экстремистских политических движениях. Эти движения роднило одно — требование радикальных политических решений экономических и социальных проблем. Поэтому, кто бы тогда ни победил в этой внутривнутриполитической борьбе, судьба немецкого народа оказалась бы незавидной в любом случае.

Германия показала всему миру: **в жизни общества самая большая политическая опасность порождается слабостью национальной экономики.**

Когда же мы поймем, что сводить монополизм, коррупцию, технологическое отставание только к экономическому проигрышу, — значит, трагически уменьшать потенциальную политическую опасность слабости национальной экономики!

6.

Между экономикой и политикой — неразрывная связь, и она существует независимо от того, признают ее в академических кругах или нет. В социальной науке эта связь отразилась в теории, точно названной «политическая экономия», которая преподается тем, кто ее высокомерно игнорирует, не в учебной аудитории, а на площадях и улицах.

⁶ Есть фотографии, на которых видно, как берлинские подростки играют в «футбол» с пачками купюр обесценившихся марок.

Современные «заматематизированные» (и потому снисходительно-снобствующие) экономисты, играющие безопасными для них и бесполезными для экономики функциональными «штучками-дрючками» производственных технологий, перестали, да и просто разучились рассматривать экономические процессы в широком социальном контексте. К тому же усилиями ведущих административно-научных учреждений **из отечественной экономической науки фактически изгнана политическая экономия.**

Но это — пиррова победа, поскольку она оставляет наше общество идеологически не подготовленным к тому, что с ним может сделать Реальная Экономика в период ее кризисного ослабления. Ведь реальная, а не «аудиторная», экономика знает только один **механизм нерадикального развития — осознанное и упреждающее совершенствование обществом политико-экономического устройства производства!**

Если же общество уклоняется от тяжелой работы по совершенствованию экономики, то она, заимствуя образное выражение, немедленно «отоваривает его по башке» системным противоречием между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений. И чем дольше продолжается это уклонение, тем более сильным взрывом разрешается названное противоречие!

Политическая экономия — Суровая Дама: она не бродит по сановным приемным, справляясь, выбрала ли та или иная страна свой лимит на революции. Ах, — смущается она, — в вашей стране лимит исчерпан? Что ж, тогда пойду в другую...

Нет, все обстоит гораздо суровее — **Экономическая История часто поручает Политической Экономии приводить в исполнение свой Приговор!**

7.

Каков же «экономический» вклад в восхождение Гитлера к вершинам политической власти?

В последний период истории Германской империи (1871–1918), который совпал с бурным финалом «промышленной революции», была разработана программа индустриализации страны. И Германия, действительно, одновременно с Великобританией и США, превратилась в ведущую экономическую державу мира. Лишь поражение страны в Первой мировой войне (1914–1918) прервало этот экономический рост.

И только на обломках послевоенной Германии ее демократическим силам удалось основать Веймарскую республику (1918–1933), экономика которой сразу же подверглась жесткому испытанию кризисом 1919–1923 гг., вызванным тяжелым репарационным бременем Версальского договора. Экономика немедленно свалилась в гиперинфляцию⁷.

Но уже ближайшие пять лет стали годами мощного восстановления экономики республики. Увы, — недолго бум всех восторгал, экономика вновь рухнула с началом Великой депрессии...

⁷ В октябре 1923 г. налоговые доходы Веймарской республики покрывали лишь 1% от предстоящего объема государственных расходов, тогда как оставшиеся 99% были профинансированы фидуциарной эмиссией, или, выражаясь иначе, простым печатанием бумажных денежных знаков (см.: Artikel von Helmut Braun. Die deutsche Wirtschaft (1918–1990). Inflation, 1914–1923 // http://www.historisches-lexikon-bayerns.de/artikel/artikel_44647); к чему могут привести игры с печатным станком, видно из следующего факта — уже в ноябре 1923 г. килограмм хлеба в Германии стоил... 233 миллиарда (!) марок (см. <http://www.was-war-wann.de/1900/1920/1923.html>).

Когда в октябре 1929 г. произошел крах фондового рынка в США, он перекинулся на германскую экономику из-за сокращения в нее американских инвестиций. В этой ситуации деньги даже для пособий безработным взять уже было неоткуда⁸.

Особенно серьезные политические последствия имел тот факт, что глобальный экономический кризис времен Великой депрессии усилил государственное вмешательство в экономику. Между тем политико-экономическая особенность Германии состояла в том, что здесь (например, в Баварии) доминировал мелкий и средний бизнес. Именно он, сильно пострадав в годы войны, в послевоенный период впал уже в полную, если так можно сказать, «экономическую прострацию». Не этим ли объясняется топография «мюнхенских пивных походов»?⁹

Ситуация ухудшалась тем, что масштабные предоставления долгосрочных кредитов в «Золотые Двадцатые», оказавшихся в условиях экономического кризиса невозвратными, привели к краху банковской системы страны. Это сделало немецкие товары неконкурентоспособными на мировом рынке. К тому же разразился кризис сельского хозяйства — цены на сельскохозяйственную продукцию в 1932 г. были на 35% ниже уровня 1913 г.¹⁰

Исторический урок состоял в том, что экономический кризис в Германии знаменовал и конец демократии в ней, крах американского фондового рынка, с которого началась Великая депрессия, сделал многие американские банки несостоятельными, что вынудило их требовать от немецких партнеров досрочного погашения полученных кредитов. Это привело к банкротствам уже в Германии, что, в свою очередь, обернулось массовой безработицей (в 1932 г. — около 30% безработных, особенно среди молодежи, что в тех исторических обстоятельствах имело роковые последствия)¹¹.

В этой обстановке межфракционная грызня и чехарда отставок последних парламентских правительств Веймарской республики (из-за разногласий относительно методов борьбы с ростом безработицы) окончательно отвратили от этих «носителей демократии» большинство немецкого общества.

В отчаянной попытке стабилизировать ситуацию Президент Гинденбург поручает формирование нового правительства поочередно Брюнингу, фон Папену, Шлейхеру, но уже предвыборный 1931-й г. проходит под знаком трагически-острого экономического кризиса и пугающей масштабами безработицы¹².

Обстановка выходит из-под контроля. 30 января 1933 г. Гинденбург назначает Гитлера канцлером, проигнорировав то обстоятельство, что тот был открытым врагом конституционных основ Веймарской республики, что именно за «государственную измену» в апреле 1924 г. он был приговорен к пятилетнему сроку лишения свободы.

⁸ До чего же противно устроена рыночная экономика, — именно тогда, когда для борьбы с возрастающей массовой безработицей нужны деньги, именно в этот момент банкротство множества компаний усиливает эту безработицу, одновременно сокращая налоговые выплаты.

⁹ Справедливости ради надо честно признать, что нацистское движение начиналось как одна из форм гражданского общества, как один из бесчисленных вариантов его самоорганизации, так что гражданское общество может приносить и горькие плоды, — все решает уровень демократического развития в данной стране, защита в ней демократических и общечеловеческих ценностей.

¹⁰ См. подр.: *Wirtschaft(WeimarerRepublik)*//<http://blog.zeit.de/schueler/2010/09/10/thema-wirtschaftsgeschichte/>; эта мнимая «дешевизна» окончательно добила, например, малые и средние семейные фермы Баварии.

¹¹ *Die Weimarer Republik (1919–1933)* // <http://www.lernstunde.de/thema/weimarerrepublik/grundwissen.htm>.

¹² Здесь и далее использованы материалы – «*Die Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (NSDAP)*» (источник - <http://www.dhm.de/lemo/html/weimar/innenpolitik/nsdap/index.html>).

И вот Президент Гинденбург не придумал ничего умнее, как предложить Гитлеру (правда, по результатам выборов 1932 г.) пост канцлера (премьер-министра). Престарелый маршал запяtnал свой мундир, фактически сам совершив своими действиями государственное преступление. Но сложившиеся политические обстоятельства казались ему, видимо, необоримыми. Да и кто, кроме нормальных людей, мог тогда знать, что Гитлер послан самим Сатаной? Но нормальные в тот момент в Германии составляли меньшинство, а преобладали, как всегда, невменяемые.

За излечение этого, так сказать, человека от параноидальной ненависти к демократии и либерализму потом пришлось расплачиваться уже всем миром, и расплачиваться миллионами человеческих жизней. Но исторический урок, видимо, не впрок, — сегодня число все так же ненавидящих демократию и либерализм буквально зашкаливает...

8.

На демократических выборах обычно побеждают те, кто способен создать брендовый сплав стратегических экономических идей и воодушевляющих политических лозунгов. Господин с усиками, как несостоявшийся художник, это хорошо знал. Какими же необыкновенными предвыборными приемами он пленил пребывавших в смятении немцев?

Смятение — вот ключевое слово той предвыборной поры: позади — ужасы четырехлетней войны с миллионами убитыми и искалеченными, на дворе — невиданной немцами силы кризис и безработица, впереди — апокалипсические прогнозы, а по улицам бегают толпы вооруженных людей (то ли штурмовики, то ли ротфронтовцы), и все угрожают рядовому избирателю.

О, если бы немцы только знали, чем обернутся для них гитлеровские посулы сытой жизни, обещание чистокровности нации и угрозы всему миру! Но в том-то и дело, что все, буквально все — и в Германии, и за ее пределами, — знали: гитлеровские угрозы — чистейший блеф, для их реализации нет никаких материальных ресурсов (даже напав на Польшу, Гитлер блефовал, но его «счастливая звезда» называлась — трусость политического руководства главных стран Европы).

А раз нет реальной опасности, раз вокруг бардак, то, думали немцы, может, Гитлер хоть внутри страны наведет порядок?

И он, действительно, навел.

Чем же Гитлер взял немцев на выборах?

1. Агрессивный антисемитизм и радикальная националистическая идеология. Этот предвыборный «инструмент» до сих пор приносит определенным партиям неплохой политической дивиденд.

2. Социальные цели и экономические средства их достижения сознательно размыты, что помогало нацистской партии выдавать себя за «партию всего народа».

3. Ввергнув Германию в политический хаос, нацисты максимально использовали эту ситуацию для победы на выборах, убеждая немецкое население, что инфляция¹³, нищета, хаос, социальные антагонизмы — это последствия прихода демократов к

¹³ Инфляция 1923 г. в Германии обесценила сбережения миллионов людей, превратив их в одночасье в нищих (нацисты ловко использовали этот момент — на банкнотах, официальный срок обращения которых еще не истек, но которые уже практически обесценились, они стали печатать на оборотной стороне карикатуры на своих политических противников).

власти. И то сказать, при императоре Вильгельме этого точно не было. Он всего лишь развязал мировую войну и погубил миллионы немцев, но кто уже об этом, четырнадцать лет спустя, помнил?

4. Была развернута пропаганда радикальной политики, которая, как известно, всегда сводится к «простым решениям», обожаемым обывательской массой.

5. Внутрипартийная структура проецировалась нацистами на общество — «вождь партии» должен восприниматься как «вождь народа», с вытекающим отсюда его культом и харизмой. Гитлер не скрывал от избирателей, что, придя к власти, он изменит политическую систему страны.

Знаменательный факт — несмотря на значительный рост числа членов нацистской партии, как только наметилась относительная политическая и экономическая стабилизация во второй половине 20-х гг., результаты выборов для нее оказались разгромными, на выборах в рейхстаг в мае 1928 г. нацисты получили лишь 2,6 % голосов.

Зато Великая депрессия обеспечила им политический взлет — уже в сентябре 1930 г. они получили 18,3 % мест, стали второй по величине партией и увеличили число мест в рейхстаге с 12 — до 107!

9.

Мало кто знает, что даже после победных для нацистов выборов еще какое-то время История медлила, предоставляя немцам последний шанс одуматься.

Не получилось. И мир упал в Бездну!

... Как только по итогам июльских выборов в рейхстаг 1932 г. нацисты стали относительно сильнейшей партией (получив 37,4 % всех поданных голосов), Гитлер истерически потребовал всю полноту политической власти в стране, что означало требование поста канцлера Германии!

Однако президент Гинденбург предложил ему — в соответствии с конституцией — пост вице-канцлера. И Гитлер немедленно прибегнул к излюбленному приему — шантажу: он громко хлопнул дверью, высокомерно отвергнув это предложение.

Общественный результат этого шантажа оказался неожиданным — разочарование масс, поддержавших нацистов, было так велико, что нацистская партия начала проваливаться в политическую изоляцию. Несмотря на огромную финансовую поддержку со стороны крупных промышленников (Фрица Тиссена, Альберта Фоглера, Эмиля Кирдфорда), партийная касса после избирательной кампании была пуста, денег для дальнейшей пропаганды просто не было. Партия стремительно погружалась в глубокий кризис. Все крупные немецкие газеты на рубеже 1932–1933 гг. взахлеб предсказывали скорый конец гитлеровского движения. Нацисты из последних сил боролись за свои позиции на региональных выборах в середине января 1933 г.

И в этот момент бывший канцлер Франц фон Папен предложил Гинденбургу согласиться на формирование нового правительства во главе с Гитлером, как выходом из безвыходности. Только роковой просчет многих консервативных политиков позволил создать «Кабинет национального единства», где Гитлер все-таки стал канцлером.

Выборы в Германии закончились выбором ее погибели и мировой войны.

Но 30 января 1933 г. об этом еще никто не знал...

10.

Потаенная, состоящая из грязи и крови, история возвышения Гитлера давно уже раскрыта, а 1933-й год, год прихода Гитлера к власти, навсегда ушел в прошлое.

Почему же обществоведы вновь и вновь всматриваются в эту мрачную дату?

А потому, что тот **трагический выбор немецкого народа до сих пор тревожит мучительным вопросом — НЕУЖЕЛИ КРОВАВЫЙ ДИКТАТОР МОЖЕТ ПРИЙТИ К ВЛАСТИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ПУТЕМ?**

Если это так, значит, демократия способна самоубийственно перерасти в антидемократию? Но тогда получается, что общество беззащитно против посягательств на свою свободу даже при демократической форме государственного устройства? Так стоит ли тогда биться за демократию и либерализм?

Демократические выборы, в результате которых нацисты пришли к власти в Германии, отбрасывают мрачную тень подозрения не только на эффективность демократии, но и на главную форму ее осуществления — выборы. Ведь если демократия есть выборная на всех уровнях общества власть, то возникает жесткий критерий степени ее реальности: чем шире социальное пространство, на котором выбирается власть, тем больше демократии, а когда оно сужается, — тем меньше демократии¹⁴.

Выборы в рейхстаг 1932 г., позволившие Гитлеру стать канцлером Германии, ослабляют позиции демократов еще и тем, что они подталкивают к несложному умозаключению — раз диктатора выбрало подавляющее большинство общества, то оно и несет ответственность за все его последующие действия. А отсюда рукой подать до принципа «круговой поруки», повязывающей общество необходимостью совместной поддержки преступного выбора, — дескать, что уж тут, раз уж мы все сами такого выбрали...

Но так ли уж бесспорен этот силлогизм?

В период 1924–1928 гг. политическую жизнь Германии определяла правительственная коалиция из центристских партий. Политические предпочтения немцев показывают результаты парламентских выборов тех лет: в декабре 1924-го 8 млн немцев поддерживали социал-демократов, свыше 4 млн — центристов, 3 млн — народную партию, 2 млн — демократов, (для сравнения за националистов проголосовали 6 млн, за коммунистов — почти 3 млн; за нацистов — 1 млн)¹⁵.

Жестокий кризис немецкой экономики, вызванный Великой депрессией, привел к росту социального недовольства, что выразилось в усилении поддержки радикальных партий (нацистской партии Гитлера и коммунистической партии Тельмана).

Сменявшие друг друга коалиционные правительства оказались бессильными. Рейхстаг был распущен и на 14 сентября 1930-го назначены досрочные выборы. На них, в атмосфере террора, запугивания и уличных демонстраций, организуемых то нацистами, то коммунистами, Гитлер заручился поддержкой уже более чем 6 млн избирателей (около 18%), а в рейхстаге его партия стала второй (социал-демократов поддержали 25% избирателей, 13% — коммунистов). Хотя заметно выросла поддержка радикальных партий, канцлером вновь стал центристский политик — Генрих Брюнинг.

¹⁴ Ограничение демократии может происходить не только в результате, скажем, прямой отмены выборов местных или региональных начальников, но и косвенной — подменой выборов их имитацией, когда выбор начальников доверяют не народу, а его неким «представителям», да еще по рекомендации тех, кому и отказать-то невозможно.

¹⁵ Через четыре года нацисты получили еще меньше поддержки — только 0,8 млн голосов (см. - http://www.wiadomosci24.pl/artukul/jak_hitler_naprawde_doszedl_do_wladzy_40700.html).

Между тем, экономический кризис в Германии приближался к кульминации — в сентябре 1931-го было около 4 млн безработных, в начале 1932-го более 6 млн.

13 марта 1932 г. были проведены президентские выборы. И хотя экономический кризис по-прежнему подталкивал к радикализации настроений в немецком обществе, политическая инерция устояла, на выборах вновь победил президент Гинденбург (19 млн избирателей), зато вторым опять оказался Гитлер (за — 13 млн).

Успех Гинденбурга определялся солидарностью всех демократических сил, наконец-то объединившихся перед опасностью двух главных экстремистских партий. Но 84-летний генерал и аристократ Гинденбург меньше всего годился на роль сильного борца за сохранение демократического строя в Германии.

В результате политических интриг новым канцлером стал Франц фон Папен. Многие специалисты считают, что это и стало началом фактического уничтожения демократии в Германии.

31 июля 1932 г. состоялись очередные выборы в рейхстаг. Они продемонстрировали возросшие симпатии к Гитлеру, за которого проголосовало более 37% избирателей (социал-демократов на этот раз поддержало 24%, коммунистов — 14%).

Союз социал-демократов и коммунистов был бы сильнее нацистов, но упрямое натравливание Москвой коммунистов на социал-демократов расчищало путь для триумфального шествия нацистов к государственной власти.

Фон Папен в этой ситуации вводит нацистов в состав своего правительства. Однако появление в нем Гитлера (сентябрь 1932 г.) привело к потере правительством фон Папена поддержки со стороны демократически-коммунистического большинства в рейхстаге.

Согласно конституции, президент Гинденбург распустил парламент и назначил досрочные парламентские выборы на 6 ноября 1932 г.

Однако История продолжала медлить, словно давая последний шанс немецкому народу, выборы показали падение популярности нацистов, которые потеряли 2 млн избирателей, собрав на этот раз около 33 % голосов (коммунисты усилились, получив 17%).

Хотя, в результате сговора и интриг, Гитлер и стал канцлером 30 января 1933 г., он все же не был избран подавляющим большинством избирателей, и потому в новом коалиционном правительстве нацисты получили только 3 из 11 мест.

Фон Папен недооценил Гитлера, который, аргументируя неустойчивостью политической ситуации в стране, добился решения о проведении новых выборов в рейхстаг. Их назначили на 5 марта 1933 г.

Но эти выборы уже трудно назвать «выборами» — нацисты начали невиданное ранее политическое давление на общество, кульминацией чего стал поджог 27 февраля здания рейхстага, ответственность за который была возложена на коммунистов. Однако, даже в атмосфере тотального запугивания и террора, нацистам не удалось получить абсолютного большинства в парламенте!

За Гитлера высказалось около 17 млн немцев, т.е. 43,9% избирателей (социал-демократов поддержали более 18 %, коммунистов — 12, центристов — 11, националистов — 8%).

Это значило, что требуемое по конституции большинство в рейхстаге для поддержки своего правительства Гитлер по-прежнему мог получить только через коалицию с националистами. Чтобы править единолично, Гитлер должен был иметь на

своей стороне две трети парламента. Он добился этого, арестовав часть депутатов. Действие конституции было приостановлено.

Началась нацистская страница в истории Германии. Уже к лету 1933 г. фашисты остались единственной реальной политической силой, так как все другие политические партии были вынуждены прекратить свою деятельность. 14 июля того же года было официально закреплено, что НСДАП является единственной политической партией в Германии.

Итак, Адольф Гитлер никогда не получал парламентское большинство на демократических выборах, даже проводимых в атмосфере тотального террора. А это реабилитирует демократию и демократические выборы.

История тысячу раз демонстрировала, что между экономикой и политикой существует обратная зависимость — чем сильнее экономика, тем незначимее политика. И, наоборот, ЧЕМ СЛАБЕЕ ЭКОНОМИКА, ТЕМ СУДЬБОНОСНЕЕ ПОЛИТИКА! В такой обстановке каждая страна обязательно попадает в ситуацию искушения «выборами 1932 года». И горе ей, если она пренебрегает уроками экономической истории и прячется от политико-экономических императивов!

Предстоящая модернизация российской экономики — одна из последних возможностей возродить приоритет экономики над политикой, решить острейшие социальные проблемы российского общества экономическими, а не политическими, средствами. И надо, как однажды в сердцах сказал Ленин, быть круглыми дураками, чтобы не использовать этот шанс!

Если же модернизация останется благим пожеланием, то больше История нам отсрочки не даст, и тогда реальность вынудит российское общество к самому неблагоприятному варианту — нам придется ПОЛИТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ РЕШАТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ЧТОБЫ ДОБРАТЬСЯ, НАКОНЕЦ, ДО МОДЕРНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА.

Впрочем, однажды мы такое тройное сальто уже выполнили.

В те же Тридцатые годы.

Не дай Бог!..